

I.-B. Séverac. «Vladimir Soloviev». Introduction et Choix de Textes traduits pour la première fois par—Docteur ès Lettres, professeur de philosophie. Paris 1910.

Въ коллекціи «Les grands philosophes français et étrangers», издаваемой фирмой Louis-Michaud въ Парижѣ, появилась книжка, посвященная Владимиру Соловьеву. Если не считать написанныхъ самимъ Соловьевымъ на французскомъ языкѣ сочиненій: «Россія и вселенская церковь» и «Русская идея», то трудъ Séverac'a представляетъ собою первую попытку познакомить французскую публику съ воззрѣніями великаго русскаго мыслителя. ¹⁾ Авторъ его не впервые пишетъ о идейныхъ теченіяхъ въ Россіи: ему принадлежитъ большая книга объ одной изъ мистическихъ разновидностей русскаго сектантства (La Secte Russe des Hommes-de-Dieu. Paris, Cornély, 1906).

«Введеніе» начинается съ краткаго очерка жизни нашего философа. Отмѣтимъ въ немъ одну маленькую неточность. Говоря о причинахъ ухода Соловьева изъ Московскаго Университета, S. объясняетъ его *дружбой* къ проф. Любимову, за котораго заступился Соловьевъ. На самомъ дѣлѣ, насколько намъ извѣстно, это заступничество было вызвано не мотивами личнаго характера, а принципиальнымъ несогласіемъ съ мѣрой, принятой противъ проф. Любимова профессорскою корпораціей ²⁾.

Послѣ краткой, съ любовью написанной характеристики личности Соловьева, S. даетъ изящное и точное изложеніе его воззрѣній и ихъ общую оцѣнку. Въ виду того, что эта оцѣнка представляетъ для насъ особенный интересъ, мы передадимъ ся наиболѣе существенные моменты.

До Соловьева въ Россіи не было философіи въ томъ значеніи, какое придаютъ этому слову на Западѣ. Причины ея позд-

¹⁾ Попытка издать въ нѣмецкомъ переводѣ „Три разговора“ (покойный кн. С. Н. Трубецкой написалъ для предполагавашагося изданія предисловіе, вошедшее впоследствии въ полное собраніе его сочиненій) не увѣнчалась успѣхомъ. Въ настоящее время, какъ мы слышали, книгоиздательство Dügg'a въ Лейпцигѣ, къ которому перешло изданіе извѣстной „Философской бібліотеки“, основанной Кирхманномъ, приступаетъ къ переводу Соловьева на нѣмецкій языкъ.

²⁾ Ср. очеркъ жизни Соловьева, написанный Э. Л. Радловымъ.

няго развитія S. видитъ не въ томъ, что русскихъ не тревожатъ «вѣчные вопросы» о смыслѣ дѣйствительности, составляющіе естественную почву для развитія философскаго творчества,—религіозныя исканія въ народѣ, выразившіяся въ непримѣрномъ развитіи сектантства, религіозность лучшихъ представителей русской литературы Гоголя, Достоевскаго, Толстого доказываютъ какъ разъ обратное. Главнымъ препятствіемъ для развитія самостоятельной философіи S. считаетъ позднее проникновеніе культуры въ Россію, отсутствіе философской традиции и связанной съ ней интеллектуальной дисциплины. «Къ этому слѣдуетъ прибавить,—замѣчаетъ S,—то обстоятельство, что юные народы склонны получать отъ иностранцевъ интеллектуальные продукты въ такой же степени, какъ и предметы потребленія. Русская интеллигенція испытала сильное вліяніе со стороны англійской и французской философіи XVIII вѣка, потомъ со стороны позитивизма XIX вѣка». Несмотря на обаяніе своей личности, Соловьевъ не имѣлъ успѣха, какъ философъ,—«он l'aimait sans le suivre». Россія, «привыкнувъ получать изъ заграницы свои философскія ученія, не могла рѣшиться имѣть, наконецъ, *своего философа*» (стр. 16).

Идеи Соловьева не отвѣчали «духу времени». Въ то же время ихъ пониманію препятствовала поразительная разносторонность его генія. «По богатству и широтѣ своихъ знаній, по глубинѣ своихъ интересовъ онъ можетъ въ самомъ дѣлѣ быть поставленъ на ряду съ величайшими представителями человѣческаго рода» (стр. 16). Но «несмотря на то, что во всѣхъ его произведеніяхъ выступаетъ прежде всего философъ, содержаніе ихъ отличается крайнимъ разнообразіемъ. Онъ писалъ стихотворенія, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ безупречны какъ по совершенству формы, такъ и по чистотѣ вдохновенія. Онъ занимался литературной критикой... съ глубокимъ вниманіемъ останавливался на политическихъ и соціальныхъ проблемахъ своего времени, изучалъ социализмъ и политическую экономію. Онъ обнародовалъ рядъ сочиненій по теологіи, и его можно назвать «великимъ учителемъ церкви».

«Ему принадлежатъ многочисленныя изслѣдованія по исторіи философіи и науки». Собственная система Соловьева, опирающаяся «на чрезвычайно глубокое знакомство съ философскими ученіями всѣхъ временъ», обнимаетъ теорію познанія, метафизику

природы и человѣка, теодицею, этику индивидуальную и социальную, учение о государствѣ» (стр. 16).

Передавъ при помощи ряда искусно подобранныхъ выдержекъ изъ «Кризиса Западной философіи» и «Критики отвлеченныхъ началъ» главныя положенія этихъ сочиненій и опредѣливъ ихъ основную тенденцію къ гармоническому примиренію религіи, философіи и науки, S. горячо протестуетъ противъ тѣхъ, которые отъ исключительнаго разнообразія элементовъ, вошедшихъ въ систему Соловьева, заключаютъ къ отсутствію творческой силы и оригинальности въ его идеяхъ.

«Онъ видитъ то, что соединяетъ, лучше чѣмъ то, что раздѣляетъ... Въмѣсто того, чтобы выдавать свою систему за лишенную какихъ бы то ни было точекъ соприкосновенія съ предшествовавшими, Соловьевъ, напротивъ, заботился больше о томъ, чтобы показать то, чѣмъ онъ былъ обязанъ другимъ, нежели то, въ чемъ онъ никому не былъ обязанъ...» (стр. 20). Дарованіе Соловьева носило не эклектическій характеръ, а синтетическій въ лучшемъ смыслѣ этого слова. «Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ Лейбница, генію котораго въ значительной степени была присуща эта особенность» (стр. 20.) Соловьевъ посвящалъ всѣ свои силы рѣшенію той же задачи, что и Лейбницъ,—примиренію механическаго естествознанія съ телеологическимъ и религіознымъ взглядомъ на міръ. «Образованная Россія,—говоритъ S.—приняла почти безъ ограниченій позитивистическую философію, весь шумный успѣхъ которой основывался на великихъ открытіяхъ естественныхъ наукъ, по отношенію къ которымъ она представляла собою простое обобщеніе. Такъ какъ чистая наука не могла проникнуть въ область великихъ вопросовъ о судьбѣ міра и человѣка, то (ея поклонники) пришли къ молчаливому соглашенію игнорировать ихъ... Владимиръ Соловьевъ напомнилъ, что наука не въ состояніи удовлетворить ни самоѣ себя, ни человѣческой духъ вообще—самое себя потому, что пользуется принципами, которыхъ она не можетъ объяснить. Человѣческой же духъ наука не можетъ удовлетворить потому, что она—только часть его стремленій. Несомнѣнно, Соловьевъ не думалъ предавать проклятію научное знаніе, какъ мнимое и недостовѣрное, онъ хотѣлъ только показать его дѣйствительную цѣнность, опредѣлить его истинныя границы... Религія и метафизика въ сущности—два аспекта на одну и ту же вещь. Философія—

это опирающаяся на доказательства религія, переводъ мистическихъ откровеній на логически связанныя положенія». «Значитъ ли это,—спрашиваетъ S.,—что у Соловьева роль философіи сведена, какъ въ средніе вѣка, къ скромной роли *ancillae theologiae*? Безусловно нѣтъ: достоинство философіи не уступаетъ религіи, обѣ онѣ одинаково необходимы въ системѣ цѣльнаго знанія...» (стр. 21).

«Благодаря Соловьеву, у русской философіи есть уже свои національныя традиціи...» (стр. 30). «Литературное и философское движеніе какъ въ настоящемъ, такъ и въ ближайшемъ будущемъ будетъ безусловно непонятнымъ, если игнорировать то важное мѣсто, которое мысли Владимира Соловьева отнынѣ занимаютъ среди идей, волнующихъ русскую интеллигенцію» (стр. 30). S. считаетъ моментъ, когда въ самой Франціи возрождается интересъ къ спекулятивной философіи, особенно удобнымъ для ознакомленія своихъ соотечественниковъ съ идеями великаго русскаго мыслителя. Нельзя не признать, что въ тѣхъ рамкахъ, въ которыхъ S. долженъ былъ держаться, сообразуясь съ общимъ характеромъ коллекціи «*Les grands philosophes*», предназначенной для самыхъ широкихъ круговъ читателей, свою задачу онъ выполнилъ прекрасно.

Вторая часть книги S. состоитъ изъ отрывковъ:

«Философія и Теософія» (изъ «Философскихъ началъ цѣльнаго знанія»), «Воплощеніе божественнаго Логоса»; «Искушенія въ пустынѣ», «Роль Запада и Востока въ обожествленіи человѣка» (изъ «Чтеній о Богочеловѣчествѣ»), «Христіанство и революція» (переводъ «Содержанія рѣчи, произнесенной на Высшихъ Курсахъ 13 марта 1881 года»), «О природѣ, о смерти, о грѣхѣ, о законѣ и благодати» и «Образъ Христа какъ провѣрка совѣсти» (изъ «Духовныхъ основъ жизни»), «Аскетизмъ и Нравственность», «О богословскихъ добродѣтеляхъ», «Личность, семья и общество», «Націонализмъ и Космополитизмъ» (изъ «Оправданія добра»), «Смертная казнь» (изъ «Права и нравственности»), «Антихристъ» (изъ «Трехъ разговоровъ»), «Идея сверхчеловѣка» и «Тайна прогресса» (изъ «Воскресныхъ писемъ»). Въ концѣ книги данъ дословный переводъ стихотворенія «Бѣдный другъ, утомилъ тебя путь...»

Отмѣтимъ, наконецъ, что въ той же коллекціи «*Les grands philosophes*» вышла книжка Gillouin'a о Henri Bergson'ѣ—показа-

тель непрерывнаго роста интереса къ этому замѣчательному мыслителю.

В. Шилкарскій.

Новыя книги и брошюры, присланныя въ редакцію.

Алавердянцъ, М. Я. Тестъ А. С. Грибоѣдова — Князь Александръ Чавчавадзе — въ характеристикѣ армянскаго историка. Спб. 1910. Ст. 8.

Аргамакова, Серафима. Въ дополненіе къ теоріи О. Вейнингера. Полоцкъ 1910. Ст. 34. Ц. 40 к.

Бондарскій, Б. С. Сокращенныя таблицы десятичной библиографической классификаціи. (Переводъ съ франц.) Москва 1910. Ст. 66. Ц. 50 к.

Валишевскій, К. Смутное время. Перев. съ франц. Спб. 1911. Ст. VI+434. Ц. 2 р. 50 к.

Венгеровъ, В. И. Проектъ научнаго и международнаго языка. Екатеринбургъ 1910. Ст. 51. Въ продажу не поступаетъ.

Вырубовъ, Н. А. Къ вопросу о генезѣ и лѣченіи невроза тревоги комбинированнымъ гипноаналитическимъ методомъ. Москва 1910. Ст. 13.

Гартманъ, Л. М. Объ историческомъ развитіи. Москва 1911. Ст. XVI+128. Ц. 60. к. Изд. «Библиотеки для самообразованія». Вып. VII.

Гартъ. Почему зашаталась Россія. Спб. 1910. Ст. 230. Ц. 1 р. 25 к.

Гёфлеръ, Алоизъ. Основныя ученія логики. Спб. 1910. Ст. IV+219. Ц. 1 р. 50 к.

Голуновъ Александръ. Сосуды скудельныя. Москва 1910. Ст. 181. Ц. 1 р.

Грузенбергъ, Семень. Очерки современной русской философіи. Спб. 1911. Ст. 83. Ц. 50 коп.

Гурій, іеромонахъ. Философія буддизма. Казань 1908. Ст. 31.

Его же. Буддизмъ и христіанство въ ихъ ученіи о спасеніи. Казань 1908. Ст. 310. Ц. 1 р. 25 к.

Джемсъ, В. О человѣческомъ безсмертіи. Переводъ со 2 англ. изданія О. А. С. Москва 1911. Ст. 56. Ц. 30 к.

Езерскій, Теодоръ. Русская грамота гражданская и новая народная. Москва 1911. Ст. 32. Ц. 40 к.